

Динамика компонентов ценностно-смысловой сферы в процессе реализации технологии психологической реабилитации населения, проживающего в условиях военного конфликта

Ирина В. Абакумова¹ , Евгения Н. Рядинская^{1*} ,
Наталья И. Ковальчишина² , Кристина Б. Богрова¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Филиал Российского Государственного Социального Университета в г. Минске, Республика Беларусь

*Почта ответственного автора: muchalola@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа динамики ценностно-смысловой сферы гражданского населения, проживающего в условиях локального вооруженного конфликта, и обоснования психологических технологий, способствующих не только снижению симптомов дистресса, но и восстановлению жизненных смыслов и перспективы будущего. Целью исследования являлось изучение изменений компонентов ценностно-смысловой сферы в процессе реализации программы психологической реабилитации мирных жителей зоны конфликта. **Методы.** В выборку вошли 494 респондента (208 мужчин, 286 женщин) в возрасте от 19 до 53 лет, распределенные на экспериментальную и контрольную группы. Диагностический комплекс включал методику САН (самочувствие – активность – настроение), экспресс-методику оценки социальной изолированности, морфологический тест жизненных ценностей, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) и шкалу базисных убеждений (WAS). Программа реабилитации

продолжительностью 12 недель была направлена на стабилизацию эмоционального состояния, развитие коммуникативных ресурсов и формирование прогрессивных смысложизненных стратегий. **Результаты.** В экспериментальной группе после участия в программе выявлено статистически значимое улучшение показателей по шкалам САН, снижение субъективной социальной изолированности, рост значимости ценностей самореализации, социальных контактов и собственного престижа, усиление целеполагания и осмысленности жизни, а также позитивная динамика базовых убеждений о доброжелательности и справедливости мира, удаче и образе «Я»; в контрольной группе сопоставимых изменений не зафиксировано. Отмечены гендерные различия в характере ценностно-смысовой динамики. **Обсуждение результатов.** Результаты позволяют рассматривать разработанную программу как значимый инструмент психологической поддержки гражданского населения в условиях вооруженного конфликта и указывают на перспективность дальнейших лонгитюдных исследований механизмов трансформации ценностно-смысовой сферы в процессе реабилитации.

Ключевые слова

военный конфликт, ценностно-смысловая сфера, гражданское население, смыслы, ценности, смысложизненные стратегии, технология психологической реабилитации.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Гранта РНФ 23-18-00848 «Исследование ценностно-смысовой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков».

Для цитирования

Абакумова, И. В., Рядинская, Е. Н., Ковальчишина, Н.И., Богрова, К. Б. (2025). Динамика компонентов ценностно-смысовой сферы в процессе психологической реабилитации населения, проживающего в условиях военного конфликта. *Российский психологический журнал*, 22(4), 6–30. <https://doi.org/10.21702/rpj.2025.4.1>

Введение

Вооруженные конфликты представляют собой экстремальные ситуации, которые создают условия для массового психологического стресса среди гражданского населения. Мирные жители в условиях локального вооруженного конфликта могут испытывать непредвиденное воздействие множественных стрессоров: прямой

угрозе жизни, разрушению привычного социального уклада, потере имущества и нестабильности, неопределенности окружающей среды; такие условия могут приводить к развитию широкого спектра психологических нарушений, расстройств адаптации, посттравматическому стрессу и, конечно, к трансформации фундаментальных жизненных смыслов и ценностей.

Исследования последних двух десятилетий значительно расширили понимание того, как экстремальный стресс боевых действий трансформирует психику человека: вооруженный конфликт инициирует развитие специфических экстремальных психических состояний (Александровский, 2022), острых стрессовых реакций и реактивных состояний (Чепур, 2024), и хронических форм психопатологии, в том числе посттравматического стрессового расстройства (Бонкало, 2023). Значительное внимание в исследованиях уделено процессам адаптации мирного населения к условиям неопределенности и непредсказуемости, характерным для военных конфликтов (Дерягина, Булатецкий, 2021; Проценко, 2024). Однако эти исследования, хоть и раскрывают клинико-психопатологическую картину, в меньшей степени обращают внимание на то, что под влиянием длительного экстремального воздействия происходят глубокие трансформации не только в психопатологическом смысле, но и в личностной организации как таковой.

Так, описаны личностные и профессиональные деформации, развивающиеся в условиях продолжительного стресса (Amsalem et al., 2025), однако механизмы переструктуризации ценностно-смысовой сферы, лежащие в основе этих деформаций, остаются недостаточно исследованными. Иными словами, если известно, что меняется в психике человека под влиянием конфликта (проявляются симптомы ПТСР, развивается дезадаптация, формируются деструктивные поведенческие паттерны), то остается неясным, «как» и «почему» происходят эти изменения на уровне смысловой организации личности, и, самое главное, как можно обратить эти процессы через целенаправленную психологическую реабилитацию.

Актуальность исследования определяется необходимостью: (1) комплексного анализа структурных изменений ценностно-смысовой сферы мирного населения под влиянием вооруженного конфликта, рассматриваемых не изолированно, а как фундаментальной основы других психопатологических личностных деформаций; (2) разработки и эмпирической апробации психологических технологий реабилитации, способных не только редуцировать клинические симптомы, но и обеспечивать конструктивное переживание экстремальной ситуации и восстановление позитивной жизненной перспективы; (3) выявления механизмов динамики ценностно-смысовой сферы в процессе реабилитационного вмешательства и факторов, обуславливающих вариативность психологических исходов.

Цель исследования – проанализировать динамику компонентов ценностно-смысовой сферы мирного населения в процессе реализации психологической реабилитационной технологии в условиях вооруженного конфликта и выявить механизмы конструктивной трансформации смысловой организации личности.

Распространенность и клинические проявления стрессовых нарушений у гражданского населения в зонах вооруженных конфликтов

Накопленные эпидемиологические данные свидетельствуют о высокой распространенности психопатологических симптомов у граждан, подвергшихся воздействию боевых действий. У студентов, проживающих в зонах активного конфликта, отмечается статистически значимое увеличение вегетативных, соматизированных, астенических и депрессивно-тревожных симптомов (Денисов, Абрамов, Плотников, 2015). Более того, у 55,95% мирного населения наблюдается выраженное ухудшение психического здоровья с изменением параметров самоэффективности как в профессиональной деятельности, так и в сфере межличностного взаимодействия (Коваленко, 2016). В патопсихологическом исследовании хронического стресса, обусловленного боевыми действиями, выявлен критически важный механизм: у пациентов обнаруживается не просто недостаток личностных ресурсов в целом, а дефицит именно конструктивных копинг-стратегий при одновременном усилении дезадаптивных поведенческих паттернов (Абрамов, 2015).

Однако, на основе клинико-динамического анализа в исследовании Н.П. Соболевой (2017) разработана модель психотерапевтической реабилитации, которая позволила выявить механизм: структурированная психотерапевтическая работа способна не просто редуцировать симптомы, но качественно изменить способ организации личностного функционирования в условиях продолжающегося стресса; мы можем опираться на вывод, что психологические нарушения при длительном воздействии конфликта – это не инертное состояние, а динамический процесс, подлежащий целенаправленной коррекции.

Дифференциация психологических ресурсов и гендерная специфика адаптации

Экстремальные условия вооруженного конфликта оказывают дифференцированное воздействие на личностный потенциал в зависимости от пола: у женщин снижение адаптивности проявляется значительно более выраженно, чем у мужчин (Абрамов и др., 2015). Более критичным является выявление механизма дезадаптации: ключевым триггером эмоциональных нарушений и фрустрации выступает ощущение утраты смысла. Психопатологический процесс, таким образом, не сводится к чистой тревожности или депрессии как феноменологическим симптомам – он имеет своей основой разрушение смысловой системы личности, что требует интервенций, ориентированных не на редукцию отдельных симптомов, а на восстановление смыслового каркаса как целостной структуры.

Эмпирические данные демонстрируют закономерную организацию психологических факторов в процессе переживания конфликта. Различные типы

переживания ситуации обнаруживают прямую корреляцию со специфическими конфигурациями индивидуально-психологических характеристик (Новикова, 2024). При этом определяющее значение имеют смысложизненные и ценностные параметры личности, а не темпераментальные черты как таковые. Придеструктивном типе переживания высокая внутренняя организованность психологических особенностей парадоксально проявляется именно через ценностно-смысlovой уровень, что свидетельствует о том, что личность осуществляет активную, но неадаптивную реструктуризацию своей смысловой сферы.

Исследования субъективного благополучия мирного населения в зонах вооруженных конфликтов демонстрируют парадоксальную картину: у большинства респондентов показатели находятся в диапазоне умеренных значений, что может расцениваться как отсутствие серьезной психопатологии (Соловьева, 2016). Однако более детальный анализ выявляет важный механизм: лица с повышенными показателями субъективного благополучия характеризуются наличием позитивных личностных черт, которые функционируют в качестве внутренних психологических буферов.

Механизмы ценностно-смысlovой трансформации под воздействием угрозы и потерь

Кросс-культурный анализ психологических изменений жителей географически и исторически различных зон вооруженных конфликтов – Югославии и Донбасса – выявил типологическую идентичность психологических сдвигов несмотря на различные этиологические факторы конфликтов (Рядинская, 2018): вооруженный конфликт инициирует глубокую переоценку жизненных ценностей и смыслов, ослабление будущих ориентаций и снижение мотивационной активности в отношении конструктивного планирования жизненной перспективы, и описанные изменения представляют собой универсальный психологический ответ личности на масштабную экзистенциальную угрозу.

Анализ механизмов ценностной переоценки выявляет центральную роль страха смерти как катализатора переосмысления жизненных приоритетов (Абакумова и др., 2024). Под влиянием этого экзистенциального страха происходит развитие депрессивной сниженности активности и актуализация непродуктивных копинг-стратегий. Критически важным является то, что переструктурирование ценностной иерархии отражает реалистическое переформатирование приоритетов: для мирного населения в зонах интенсивных боевых действий на первый план выходят выживание и сохранение семьи, при этом озабоченность будущим детей занимает доминирующее место в системе мотивов.

Ценностно-смысlovые трансформации под влиянием интенсивного военного стресса обнаруживают дихотомический характер: возможны как прогрессивные изменения, связанные с переоценкой приоритетов в сторону более глубоких и

экзистенциально значимых ценностей, так и регрессивные деструктивные процессы, проявляющиеся в деградации ценностной системы и ориентации на примитивное выживание (Волобуев, Ковальчишина, Волобуев, 2023). Вариативность исходов указывает на то, что направление ценностных изменений зависит от наличия определенных психологических условий, опосредующих переход от дезадаптивных реакций к конструктивной трансформации. На уровне онтологического анализа травмирующий опыт вооруженного конфликта трансформирует не отдельные ценностные содержания, а преобразует всю структуру личности, в том числе уровень самоидентичности (Магомед-Эминов, 2024).

Эффективность психологической реабилитации

Интегрированные подходы к реабилитации мирного населения, сочетающие медико-психологические и психотерапевтические компоненты, демонстрируют эффективность в восстановлении адаптивного функционирования (Киворкова, Соловьев, 2017). Структурированная реабилитационная работа, направленная на повышение стрессоустойчивости и коррекцию эмоциональных нарушений, обеспечивает не просто редукцию отдельных симптомов, но гармонизацию личностного функционирования в целом. При своевременной реализации реабилитационных мероприятий на ранних этапах развития значительно снижается риск формирования устойчивых эмоциональных, когнитивных и поведенческих дефицитов (Ширина, Ершова, 2018).

Таким образом, **целью** исследования являлось изучение изменений компонентов ценностно-смысловой сферы в процессе реализации программы психологической реабилитации мирных жителей зоны конфликта.

Методы

Дизайн исследования

Этап 1. Констатирующее исследование (2023 г.)

На первом этапе проводилось эмпирическое изучение психологических характеристик гражданского населения, находящегося в условиях вооруженного конфликта. Основной целью этапа было выявление базовых показателей ценностно-смысловой сферы, смысложизненных стратегий, самочувствия и социальной изолированности/связанности. Полученные данные послужили основанием для обоснования необходимости развития и апробации целенаправленной реабилитационной технологии.

На этом этапе применялись следующие психодиагностические методики:

1. **Методика САН (самочувствие – активность – настроение)** (В.А. Доскин, М.П. Мирошников и др., 1973) предназначена для оценки функционального психоэмоционального состояния. Методика включает 30 биполярных пар прилагательных, организованных в три одноименных шкалы; более высокие значения указывают на позитивное самочувствие, высокую активность и благоприятное настроение; низкие значения отражают дискомфорт, апатию и депрессивность.
2. **Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина, 2001)** диагностирует структуру и иерархию жизненных ценностей. Включает 112 вопросов, организованных в два блока: 8 терминальных ценностей (саморазвитие, духовное удовлетворение, креативность, социальные контакты, собственный престиж, достижения, материальное положение, сохранение индивидуальности) и 6 жизненных сфер (профессиональная жизнь, обучение и образование, семейная жизнь, общественная активность, увлечения, физическая активность). Более высокие показатели указывают на значительную важность данной ценности в структуре личности.
3. **Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (J. Crumbaugh, L. Maholick, 1964; адаптация Д.А. Леонтьев, 1988)** состоит из 20 пунктов, организованных в 5 субшкал: цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь. Каждый пункт оценивается по 7-балльной шкале. Более высокие показатели указывают на осмысленность жизни, наличие целей и активное переживание жизненного процесса; низкие показатели свидетельствуют об отсутствии смысла и внутренней пустоте.
4. **Методика диагностики социальной изолированности (D. Russell, M. Ferguson, 1978)** предназначена для оценки субъективного ощущения одиночества и социальной отчужденности; высокие показатели указывают на выраженное ощущение социальной изоляции; низкие свидетельствуют о благоприятной включенности в социальные связи.
5. **Шкала базисных убеждений (World Assumption Scale – WAS)** (R. Janoff-Bulman, 1989; адаптация М.А. Падун, А.В. Котельникова, 2008) измеряет фундаментальные представления личности о мире и самой себе. Состоит из утверждений, организованных в 5 доменов: доброжелательность мира, справедливость мира, образ «Я», удача, убеждения о контроле. Более высокие показатели отражают позитивные базовые убеждения; низкие показатели свидетельствуют о деструктивных представлениях о мире, людях и собственной компетентности.

Этап 2. Разработка и прохождение участниками реабилитационной программы (2024-2025 г.)

На втором этапе на основе анализа полученных эмпирических данных была разработана программа формирования ценностно-смысловой сферы и смысложизненных стратегий (далее – программа ФСЖС) для гражданского

населения, проживающего в условиях вооруженного конфликта. Программа основана на теоретических принципах экзистенциальной психологии, теории самодетерминации и личностно-ориентированного подхода, направлена на активизацию личностного потенциала через целенаправленное переосмысление жизненных приоритетов и развитие адаптивных смысложизненных стратегий в условиях продолжающегося стресса.

Целью программы была активизация личностного ресурса и трансформация регрессивных смысложизненных стратегий в прогрессивные через работу с ценностно-смысовой сферой личности.

Программа реализовывалась в течение 12 недель (общий объем составил 72 часа). Структура программы предполагала последовательное погружение участника в работу над собой: от осознания ресурсов до принятия потребности в трансформации жизненных перспектив. Обязательным элементом являлся непрерывный мониторинг изменений психоэмоционального состояния и убеждений участников. Общая схема программы представлена в таблице 1.

Таблица 1

Общая схема Программы

Этап (Блок)	Объем	Задачи и фокус работы (содержание)
Блок I. «Эмоциональный статус и гибкость поведенческих программ»	16 часов (2 недели)	<p>Цель: фокус сделан на работе с «Я-концепцией» и навыками саморегуляции.</p> <p>Участники изучают физиологические и психологические механизмы стресса, осваивают методы снижения тревожности и работают над формированием позитивной идентичности, которая часто подвергается эрозии в условиях хронической угрозы.</p> <p>Изучение состояний и саморегуляция:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Анализ физиологического, психологического и психического статуса. – Развитие высокого уровня самосознания и способности управлять собой. – Контроль деструктивных проявлений (агрессии, импульсивности, тревожности). – Актуализация процессов самомотивации и социальной активности.

Этап (Блок)	Объем	Задачи и фокус работы (содержание)
Блок II. «Социальное взаимодействие»	20 часов (4 недели)	<p>Цель: обучение человека, переживающего стресс войны, позитивно коммуницировать, быть активным в налаживании контактов с окружающими, не замыкаться в себе, вновь восстанавливать навыки общения.</p> <p>Восстановление коммуникативных ресурсов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Преодоление замкнутости и восстановление утраченных навыков общения. – Развитие способности обмениваться не только идеями, но и волевыми импульсами для достижения общих целей (согласование действий). – Работа с эмоциональным объединением/разделением группы. – Обучение безопасной коммуникации в интернет-пространстве как копинг-стратегии.
Блок III. «Планирование жизненной перспективы»	36 часов (6 недель)	<p>Цель: выстраивание личностью новых смысложизненных стратегий, формирование умений и навыков для использования новых жизненных перспектив, умения сохранять и накапливать ресурсы необходимые для личностного роста, формирование адекватных жизненных реалий и переформатирование смысложизненных ориентаций.</p> <p>Выстраивание будущего (Трансформация):</p> <ul style="list-style-type: none"> – Формирование навыков для использования новых жизненных перспектив. – Обучение сохранению и накоплению ресурсов для личностного роста. – Формирование адекватного восприятия жизненных реалий. – Окончательное переформатирование смысложизненных ориентаций (с регресса на прогресс).

Помимо стандартных психокоррекционных техник и ролевых игр, программа базировалась на методах проблемного обучения. Участникам предлагались специально смоделированные проблемные вопросы и ситуации, требующие активизации скрытых личностных ресурсов, принятия нестандартных решений в условиях неопределенности, отработки навыков адаптации к новой реальности.

Этап 3. Оценка эффективности Программы (2025 г.)

На третьем этапе проводилась эмпирическая апробация разработанной реабилитационной программы и оценка ее эффективности на независимой выборке с использованием экспериментального дизайна с контрольной и экспериментальной группами.

Участники исследования

Выборку составили 494 респондента, постоянно проживающих в условиях вооруженного конфликта, в возрасте от 19 до 53 лет ($M = 35,4$, $SD = 10,2$). Гендерное распределение: 208 мужчин (42,1%) и 286 женщин (57,9%).

Формирование групп проводилось следующим образом:

- Контрольная группа ($n = 247$): 104 мужчины и 143 женщины. Участники этой группы не получали реабилитационное вмешательство и служили базовой линией для сравнения.
- Экспериментальная группа ($n = 247$): 104 мужчины и 143 женщины. Участники активно включались в программу ФСЖС в течение 12 недель.

Уравнивание групп по основным социально-демографическим переменным и исходным психологическим показателям подтверждалось на начальном этапе.

Критерии включения в исследование: постоянное проживание в зоне вооруженного конфликта в течение последних 12 месяцев, возраст от 19 до 55 лет, отсутствие острых психотических расстройств, информированное согласие на участие в исследовании. Все респонденты участвовали в констатирующем исследовании (первый этап) и дали письменное согласие на участие в третьем этапе. Контакт с потенциальными участниками для включения в апробацию программы осуществлялся через телекоммуникационные каналы, указанные в исходных анкетах первого этапа.

Методы статистического анализа данных

Для обработки полученных данных и выявления статистически значимых различий между контрольной и экспериментальной группами, а также изменений в пределах каждой группы был использован пакет статистических методов: описательная статистика, проверка нормальности распределения данных с использованием критерия Шапиро-Уилка, Т-критерий Вилкоксона (для сравнения показателей в

пределах одной группы до и после вмешательства), U-критерий Манна–Уитни (для выявления различий между контрольной и экспериментальной группами на этапах до вмешательства и после него), ф-критерий углового преобразования Фишера (для сравнения относительных частот (долей) качественных признаков в двух независимых выборках).

Результаты

Результаты анкетирования участников относительно полезности проведенной программы (самоотчет)

После завершения программы ФСЖС было проведено анкетирование ($n = 247$) участников экспериментальной группы с целью оценки субъективной значимости и воспринимаемой эффективности реабилитационного вмешательства. По основным блокам вопросам результаты распределены таким образом:

- **Оценка содержания и качества программы.** Подавляющее большинство участников дали позитивную оценку программе: 84,6% мужчин и 89,4% женщин отметили ее информативность и прикладную ценность. Участники указали на эффективность системной проработки проблемных вопросов, видеоматериалов и ситуационного моделирования в переосмыслении жизненных трудностей и активизации личностного потенциала.
- **Динамика личностных установок и жизненных смыслов.** Значительная часть выборки (30,7% мужчин и 37,2% женщин) констатировала существенные личностные изменения в течение 12 недель программы. Отмечены качественные сдвиги в мировоззрении и целеполагании: повышение позитивности восприятия жизни (63,15%), осмысленность жизнедеятельности (71%), появление мотивации к планированию будущего. Поведенческие проявления включали профессиональные перемены (11% участников сменили место работы) и улучшение физических показателей (нормализация артериального давления, редукция соматических симптомов хронических заболеваний).
- **Самопонимание и социально-коммуникативные навыки.** Более половины участников (53,8% мужчин и 64,3% женщин) отметили качественное улучшение самопонимания и развитие компетентности в межличностном взаимодействии. Значительная часть выборки выразила намерение продолжить личностное развитие посредством получения дополнительного образования.
- **Перспективность и долгосрочные планы.** 89,5% участников заявили о намерении применить приобретенные знания и навыки в долгосрочной перспективе. Поведенческие изменения в сторону здорового образа жизни включали включение в активность физического развития (47,1% мужчин) и креативного самовыражения (59,4% женщин).

Полученные субъективные оценки свидетельствуют о том, что программа ФСЖС соответствовала ожиданиям участников и функционировала как катализатор переоценки жизненных приоритетов и переориентации на конструктивное планирование будущего.

Динамика показателей респондентов по методике САН

На начальном этапе исследования участники экспериментальной группы характеризовались снижением показателей психоэмоционального состояния: 50,9–55,2% респондентов отмечали неблагоприятное самочувствие, 55,7–62,2% демонстрировали средний уровень активности, при этом настроение соответствовало нормальным значениям, возможно за счет активации защитных личностных ресурсов. Только 5,9–8,4% участников на начальном этапе обнаруживали благоприятное самочувствие.

После завершения программы ФСЖС обнаружена значительная динамика показателей психоэмоционального состояния в экспериментальной группе. Средние значения самочувствия возросли с 3,13–3,23 до 4,48–5,37 балла (прирост 43–66%), активность увеличилась с 4,07–4,21 до 4,64–5,45 балла (прирост 14–29%), настроение улучшилось с 4,16–4,53 до 5,35–5,61 балла (прирост 29–24%). Различия между до- и послепрограммным измерением статистически значимы ($p < 0,05$) (по Φ -критерию углового преобразования Фишера). Наиболее выраженная динамика отмечена у женщин, особенно по показателю самочувствия (прирост 66%) (таблица 2).

Таблица 2

Средние значения показателей состояния респондентов экспериментальной группы до и после участия в программе по методике САН (в баллах)

Показатели	До участия (мужчины, n=104)	До участия (женщины, n=143)	После участия (мужчины, n=104)	После участия (женщины, n=143)
Самочувствие	$3,13 \pm 0,27$	$3,23 \pm 0,17$	$4,48 \pm 0,29$	$5,37 \pm 0,48$
Активность	$4,07 \pm 0,43$	$4,21 \pm 0,32$	$4,64 \pm 0,35$	$5,45 \pm 0,17$
Настроение	$4,16 \pm 0,28$	$4,53 \pm 0,26$	$5,35 \pm 0,23$	$5,61 \pm 0,17$

В контрольной группе, не участвовавшей в программе, зафиксированы минимальные изменения показателей психоэмоционального состояния: снижение неблагоприятного самочувствия на 2,0–2,1%, увеличение активности на 0,7–1,7%, улучшение настроения на 3,6% за аналогичный период. Эти незначительные изменения могут быть интерпретированы как результат естественной флуктуации условий (уменьшение интенсивности боевых действий), а не как следствие специального вмешательства.

Динамика респондентов по методике уровня социальной изолированности

Анализ исходных данных в экспериментальной группе показал, что до начала программы почти половина мужчин (48,2%) и 40,5% женщин не считали себя социально изолированными, несмотря на объективно тяжелые условия жизни. Тем не менее, у трети респондентов (36,3% мужчин и 33,2% женщин) была выявлена выраженная склонность к одиночеству. Важно отметить, что у части опрошенных (6,7%) чувство глубокой изоляции было напрямую связано с травматическим опытом потери детей в ходе боевых действий.

После завершения программы в экспериментальной группе зафиксировано снижение показателей социальной изолированности. Статистический анализ с применением ф-критерия углового преобразования Фишера подтвердил достоверность позитивных изменений ($p < 0,05$). Значимые сдвиги выявлены по шкале «средний уровень изолированности» у мужчин и по шкале «высокий уровень изолированности» у женщин.

В контрольной группе за аналогичный период существенных изменений не произошло. Колебания показателей носили ситуативный характер и не имели статистической значимости.

Динамика показателей респондентов по методике МТЖЦ

Средние значения по шкалам методики представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Особенности структуры жизненных ценностей респондентов экспериментальной группы (средние значения в стенах, $M \pm SD$)

Жизненные ценности	До участия (мужчины, n=104)	До участия (женщины, n=143)	После участия (мужчины, n=104)	После участия (женщины, n=143)
Развитие себя	4,17 $\pm$ 0,39	4,34 $\pm$ 0,65	6,52 $\pm$ 1,43	7,12 $\pm$ 0,39*
Духовное удовлетворение	4,11 $\pm$ 0,61	4,21 $\pm$ 1,73	5,15 $\pm$ 0,96	5,73 $\pm$ 1,23

Жизненные ценности	До участия (мужчины, n=104)	До участия (женщины, n=143)	После участия (мужчины, n=104)	После участия (женщины, n=143)
Креативность	3,92±0,64	5,76±1,18	4,17±1,23	6,56±0,67
Активные социальные контакты	5,91±0,86	5,95±1,23	6,45±0,85	7,81±0,22
Собственный престиж	5,93±0,38	4,72±1,23	7,57±0,54*	5,65±0,83
Высокое материальное положение	7,74±0,89	7,91±2,56	7,74±0,78	7,86±1,57
Достижения	4,82±0,75	4,13±2,73	5,93±0,83	4,47±1,86
Сохранение собственной индивидуальности	4,46±0,72	4,51±0,84	4,98±0,62	5,23±0,23

Примечание: * – различия статистически значимы (p <0,05) согласно Т-критерию Вилкоксона.

На этапе констатирующего среза («До») в обеих гендерных подгруппах доминировала ценность «Высокое материальное положение» (мужчины: 7,74±0,89; женщины: 7,91±2,56), что отражает высокую значимость ресурсного обеспечения выживания в экстремальных условиях. При этом ценности высшего порядка («Развитие себя», «Духовное удовлетворение», «Креативность») занимали нижние позиции в иерархии, особенно у мужчин. У женщин, помимо материального фактора, относительно более высокие позиции занимали «Активные социальные контакты» и «Креативность», что указывает на сохранение потребности в коммуникации и самовыражении даже в стрессогенной среде.

После реализации программы («После») зафиксированы структурные сдвиги в ценностной иерархии респондентов:

1. У мужчин выявлен статистически значимый рост значимости ценности «Собственный престиж» (с 5,93 до 7,57 по Т-критерию Вилкоксона). Также наблюдается тенденция к повышению значимости ценностей «Развитие себя» (с 4,17 до 6,52) и «Достижения» (с 4,82 до 5,93).
2. У женщин зафиксирован статистически значимый рост по шкале «Развитие себя» (с 4,34 до 7,12 по Т-критерию Вилкоксона). Кроме того, существенно возросли показатели по шкалам «Активные социальные контакты» (до 7,81) и «Креативность» (до 6,56).

В контрольной группе за аналогичный период статистически значимых изменений в иерархии жизненных ценностей не выявлено, структура приоритетов осталась ригидной.

Динамика показателей респондентов по методике СЖО

На этапе констатирующего среза («До») профиль смысложизненных ориентаций характеризовался умеренным снижением показателей по всем субшкалам относительно нормативных значений. Наиболее проблемными зонами являлись «Локус контроля – Я» (особенно у женщин: $20,22 \pm 3,12$) и «Цели в жизни» (у женщин: $20,28 \pm 4,32$), что указывало на дефицит целеполагания и ощущение неспособности контролировать события собственной жизни в условиях неопределенности (таблица 4).

Таблица 4

Средние значения субшкал теста СЖО у респондентов экспериментальной группы до и после участия в программе ($M \pm SD$)

Субшкалы	До участия (мужчины, n=104)	До участия (женщины, n=143)	После участия (мужчины, n=104)	После участия (женщины, n=143)
Цели в жизни	$26,71 \pm 2,19$	$20,28 \pm 4,32$	$35,41 \pm 2,22^*$	$29,15 \pm 1,12$
Процесс жизни	$25,37 \pm 4,65$	$28,16 \pm 2,65$	$31,15 \pm 1,14$	$37,16 \pm 1,17^*$
Результативность жизни	$25,13 \pm 3,32$	$21,38 \pm 3,43$	$29,13 \pm 2,31$	$33,27 \pm 1,18^*$
Локус контроля «Я»	$21,47 \pm 2,73$	$20,22 \pm 3,12$	$29,34 \pm 2,15$	$29,23 \pm 2,27$
Локус контроля – жизнь	$29,34 \pm 3,45$	$23,83 \pm 3,84$	$36,13 \pm 2,51$	$31,24 \pm 1,52$
Омысленность жизни (общий)	$96,32 \pm 3,61$	$91,37 \pm 2,56$	$106,31 \pm 11,21$	$101,31 \pm 12,13$

*Примечание: * – различия статистически значимы ($p < 0,05$) согласно
Т-критерию Вилкоксона.*

После реализации программы («После») зафиксирована положительная динамика по всем параметрам методики, однако статистическая значимость изменений ($p < 0,05$ по Т-критерию Вилкоксона) выявлена избирательно:

1. У мужчин обнаружен статистически значимый рост по шкале «Цели в жизни» (с 26,71 до 35,41 балла). Это свидетельствует о формировании более четких жизненных планов и восстановлении временной перспективы будущего. Также наблюдается выраженная позитивная тенденция по шкале «Локус контроля – жизнь» (с 29,34 до 36,13), указывающая на рост убежденности в возможности управлять своей судьбой.

2. У женщин выявлены статистически значимые сдвиги по шкалам «Процесс жизни» (с 28,16 до 37,16 балла) и «Результативность жизни» (с 21,38 до 33,27 балла). Данные изменения отражают повышение удовлетворенности текущим моментом жизни (восприятие процесса жизни как интересного и наполненного) и переоценку пройденного жизненного пути как продуктивного.

По интегральному показателю «Осмысленность жизни» (ОЖ) в обеих группах зафиксирован прирост (у мужчин: с 96,32 до 106,31; у женщин: с 91,37 до 101,31), что подтверждает общую эффективность вмешательства в плане восстановления смысловой регуляции. Отсутствие статистической значимости по некоторым шкалам может объясняться инертностью глубинных смысловых структур, требующих более длительного времени для полной трансформации.

В контрольной группе за аналогичный период статистически значимых изменений профиля СЖО не выявлено. Колебания средних значений по шкалам «Цели» и «Локус контроля» не превышали ошибки измерения, что подтверждает устойчивость дефицитарного смыслового состояния при отсутствии психологической помощи.

Динамика показателей респондентов по методике WAS

Результаты сравнительного анализа в экспериментальной группе до и после участия в программе представлены в Таблице 5.

На этапе до начала программы («До») профиль базовых убеждений респондентов характеризовался деформацией когнитивных схем: наиболее низкие показатели фиксировались по шкалам «Доброжелательность мира» (мужчины: $4,2 \pm 1,35$; женщины: $4,3 \pm 1,25$) и «Удача» ($4,5 \pm 1,17$ и $4,3 \pm 1,42$ соответственно); доминировали представления о враждебности окружающей среды и непредсказуемости событий. Относительно сохранным ресурсом выступало «Убеждение о контроле» (мужчины: $6,3 \pm 1,32$; женщины: $5,3 \pm 1,64$), отражающее стремление сохранять агентность даже в экстремальных условиях.

Таблица 5

Средние значения результатов у респондентов экспериментальной группы по шкале базовых убеждений (WAS) ($M \pm SD$)

Шкалы	До участия (мужчины, n=104)	До участия (женщины, n=143)	После участия (мужчины, n=104)	После участия (женщины, n=143)
Доброжелательность мира	4,2 $\pm$ 1,35	4,3 $\pm$ 1,25	6,9 $\pm$ 1,31*	5,7 $\pm$ 1,28*
Справедливость	5,6 $\pm$ 1,67	4,7 $\pm$ 1,23	7,7 $\pm$ 1,26*	8,9 $\pm$ 1,32**
Образ «Я»	5,5 $\pm$ 2,31	5,4 $\pm$ 1,17	8,4 $\pm$ 1,54**	7,7 $\pm$ 1,22*
Удача	4,5 $\pm$ 1,17	4,3 $\pm$ 1,42	8,9 $\pm$ 1,33	8,6 $\pm$ 1,32
Убеждение о контроле	6,3 $\pm$ 1,32	5,3 $\pm$ 1,64	6,4 $\pm$ 1,37	7,2 $\pm$ 1,51*

Примечание: * – различия статистически значимы при $p < 0,05$; ** – различия статистически значимы при $p < 0,01$ (по Т-критерию Вилкоксона).

После завершения программы («После») выявлена позитивная трансформация системы базовых убеждений. Статистически значимые изменения ($p < 0,05$ и $p < 0,01$ по Т-критерию Вилкоксона) зафиксированы по большинству параметров:

1. Выросли показатели по шкале «Доброжелательность мира» (у мужчин рост с 4,2 до 6,9; у женщин с 4,3 до 5,7; $p < 0,05$). Респонденты стали чаще воспринимать социальное окружение как поддерживающее, снизился уровень ожидания угрозы.
2. Наиболее выраженная динамика отмечена по шкале «Удача» (высокая статистическая значимость изменений $p < 0,01$ в обеих подгруппах: рост до 8,9 у мужчин и до 8,6 у женщин). Также значимо укрепилась вера в «Справедливость» мира (особенно у женщин: рост с 4,7 до 8,9; $p < 0,01$).
3. Значимо повысились баллы по шкале «Образ Я» (у мужчин до 8,4, $p < 0,01$; у женщин до 7,7, $p < 0,05$). Участники стали выше оценивать собственную ценность и компетентность.
4. У женщин зафиксировано повышение показателей по шкале «Убеждения о контроле» (с 5,3 до 7,2; $p < 0,05$), что указывает на снижение чувства беспомощности. У мужчин этот показатель остался стабильно высоким (6,3 – 6,4), т.е. данный ресурс остался сохранным.

Таким образом, за время проведения программы у участников можно отметить когнитивную реструктуризацию травматического опыта: образ мира трансформировался из «враждебного и хаотичного» в «более справедливый и доброжелательный», а образ «Я» – из «жертвы обстоятельств» в «достойного и удачливого субъекта».

В контрольной группе за аналогичный период статистически значимых изменений базовых убеждений не выявлено; показатели по шкалам «Доброжелательность» и «Удача» оставались на низком уровне.

Различия в экспериментальной и контрольной группах (U Манна-Уитни)

Был проведен сопоставительный анализ показателей экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп на этапе посттеста («После») с использованием непараметрического U-критерия Манна–Уитни для независимых выборок; результаты анализа представлены в Таблице 6.

Таблица 6

Сравнение средних значений показателей у респондентов экспериментальной (ЭГ, n = 247) и контрольной (КГ, n = 247) групп после прохождения программы (U-критерий Манна–Уитни)

Шкалы	ЭГ (после)	КГ (после)	U-критерий	Уровень р
Самочувствие	4,92	3,10	875	0,00005
Активность	5,04	2,66	112	0,000001
Настроение	5,48	3,83	528	0,00001
Развитие себя	6,81	4,25	1064	0,187 (н/з)
Собственный престиж	6,61	3,87	117	0,000001
Цели в жизни	32,28	22,51	662	0,00001
Процесс жизни	34,16	23,12	596	0,00001
Результативность жизни	31,45	20,80	659	0,00001
Доброжелательность мира	6,32	4,16	891	0,00003
Справедливость	8,46	4,32	116	0,000001
Образ «Я»	8,17	4,75	100	0,000001
Удача	8,82	4,11	102	0,000001

Примечание: р < 0,05 – различия статистически значимы; н/з – различия не значимы.

Статистический анализ выявил высокозначимые различия ($p < 0,001$) между группами по большинству ключевых параметров:

1. Психоэмоциональный статус (САН): Уровень выраженности всех трех показателей в экспериментальной группе оказался статистически значимо выше, чем в контрольной: «Самочувствие» ($U=875$, $p < 0,001$), «Активность» ($U=112$, $p < 0,001$) и «Настроение» ($U=528$, $p < 0,001$). У участников программы по сравнению с контрольной группой зафиксировано улучшение показателей психоэмоционального состояния, в то время как у контрольной показатели остались на низком, близком к субдепрессивному, уровне.

2. В экспериментальной группе уровень выраженности таких параметров, как «Цели в жизни» ($U=662$, $p < 0,001$), «Процесс жизни» ($U=596$, $p < 0,001$) и «Результативность жизни» ($U=659$, $p < 0,001$), оказался значимо выше. Это позволяет предположить, что участники программы, в отличие от контрольной группы, смогли восстановить временную перспективу и чувство наполненности жизни.

3. Участники программы продемонстрировали статистически значимо более высокий уровень позитивных базовых убеждений по шкалам «Справедливость» ($U=116$, $p < 0,001$), «Удача» ($U=102$, $p < 0,001$) и «Образ Я» ($U=100$, $p < 0,001$) в сравнении с контрольной группой.

4. В экспериментальной группе зафиксирован статистически значимо более высокий уровень значимости ценности «Собственный престиж» ($U=117$, $p < 0,001$) по сравнению с контрольной.

Таким образом, мы можем заключить, что результаты математико-статистического анализа подтверждают, что позитивная динамика в экспериментальной группе не является случайной или обусловленной внешними факторами (стабилизацией обстановки), поскольку в контрольной группе аналогичных изменений не произошло. Можно сказать, что реализация программы привела к системному эффекту: от стабилизации эмоционального фона до глубинной перестройки смысловой регуляции поведения (восстановление целеполагания, когнитивный рефрейминг образа мира и себя), и разработанная программа может считаться значимым инструментом работы.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показывают, что участие в программе психологической реабилитации сопровождалось положительными сдвигами по целому ряду показателей у респондентов экспериментальной группы по сравнению с контрольной. В частности, было зафиксировано улучшение психоэмоционального состояния (САН), снижение субъективной социальной изолированности, изменения в структуре жизненных ценностей (МТЖЦ), усиление смысложизненных ориентаций (СЖО) и позитивная динамика базовых убеждений (WAS). Эти данные согласуются с тем, что психологические последствия вооруженных конфликтов

затрагивают не только уровень симптоматики, но и ценностно-смысловую сферу личности (Александровский, 2022; Бонкало, 2023) и укладываются в представление о реабилитации как о процессе, влияющем на организацию личностного функционирования в целом (Соболева, 2017; Киворкова, Соловьев, 2017). Похожие выводы делаются и в современных обзорах по психосоциальной поддержке пострадавших от военных действий, где подчеркивается необходимость перехода от симптомоцентрированных к более комплексным, личностно-ориентированным моделям помощи (Andersen et al., 2022; Russo-Netzer et al., 2025).

Во-первых, улучшение самочувствия, активности и настроения в экспериментальной группе при отсутствии сопоставимых сдвигов в контрольной может свидетельствовать о том, что программное вмешательство ассоциировано со стабилизацией эмоционального состояния у респондентов. Сходные эффекты описаны в исследованиях групповых и краткосрочных интервенций для гражданского населения и беженцев, где участие в структурированных программах сопровождалось снижением выраженности депрессивных и тревожных симптомов (Farhood et al., 2014; Acarturk et al., 2022). Сочетание психотерапевтических и психосоциальных подходов в условиях вооруженного конфликта позволяет уменьшать выраженность симптоматики и улучшать субъективное функционирование, даже если внешняя ситуация остается нестабильной (Andersen et al., 2022). В нашем исследовании, в контрольной группе изменений не зафиксировано, и можно предположить, что программа являлась одним из значимых факторов наблюдаемой динамики, хотя влияние контекстуальных условий полностью исключить нельзя.

Во-вторых, снижение показателей социальной изолированности и рост значимости ценностей, связанных с общением и самореализацией, соотносятся с представлениями об особой роли «повседневных стрессоров» (изоляции, потери социальных ролей и ресурсов) в формировании дистресса у гражданского населения (Miller & Rasmussen, 2017). Исследования психосоциальной поддержки раненых и пострадавших от войны показывают, что эффективные программы обязательно включают компоненты восстановления социальных связей, групповой поддержки и участия в значимой деятельности (Andersen et al., 2022). Наши результаты также согласуются с данными о пользе арт- и групповых интервенций при работе с травматизированными группами (Bosgraaf et al., 2020; Farhood et al., 2014; Peltonen & Kangaslampi, 2019), а также с исследованиями, демонстрирующими, что автобиографическое осмысление пережитых событий и работа с личным нарративом помогают поддерживать чувство целостности «Я» у беженцев и лиц с опытом войны (Camia & Zafar, 2021). В этом контексте включение в программу групповой работы, арт-методов и упражнений, связанных с обсуждением жизненного пути, может рассматриваться как один из возможных механизмов снижения изолированности и усиления субъектности.

В-третьих, изменения по шкалам СЖО и WAS указывают на возможную динамику в сфере жизненных смыслов и базовых убеждений. Рост показателей

по «Целям», «Процессу» и «Результативности» жизни в сочетании с усилением веры в доброжелательность и справедливость мира, удачу и более позитивный образ «Я» частично перекликается с концепцией посттравматического роста, подчеркивающей пересмотр «основных убеждений» как важный компонент конструктивной адаптации (Tedeschi, 2023). Похожие тенденции были описаны в исследованиях смыслоцентрированных интервенций с беженцами, где работа с вопросами смысла, ценностей и будущего позволяла уменьшать экзистенциальную пустоту и усиливать ощущение внутренней опоры (Costanza et al., 2022). Кроме того, недавние данные по популяциям, находящимся в условиях затяжного конфликта, показывают, что сочетание смысловой работы и укрепления резильентности способствует лучшему сохранению психического здоровья и способности справляться с кризисом (Marciano et al., 2024; Russo-Netzer et al., 2025). В нашем исследовании выборочный характер статистически значимых изменений (не по всем субшкалам) говорит о высокой инерционности ценностно-смысовой сферы и потенциальной необходимости более длительных или многоступенчатых программ для ее глубокой перестройки.

Обнаруженные гендерные особенности (более выраженный рост значимости целей и «собственного престижа» у мужчин и ценностей самореализации, креативности, социальных контактов и справедливости у женщин) согласуются с данными о дифференцированном воздействии экстремальных условий на мужчин и женщин и различиях в их адаптационных стратегиях (Новикова, 2024).

Одновременно наши результаты созвучны исследованиям, подчеркивающим роль надежды, смысловой перспективы и резильентности как ключевых предикторов устойчивости в условиях затяжных конфликтов (Marciano et al., 2024), а также лонгитюдным работам, показывающим, что интенсивность военных переживаний и повторяющиеся стрессоры могут длительно поддерживать симптомы психического неблагополучия, если не задействованы адекватные психологические и социальные ресурсы (Amsalem et al., 2025). В этом контексте усиление целеполагания и укрепление базовых убеждений, связанных с справедливостью и доброжелательностью мира, в экспериментальной группе можно рассматривать как возможный шаг в направлении более устойчивой позиции по отношению к жизненной ситуации, однако такие интерпретации требуют осторожности с учетом квазиэкспериментального характера дизайна и отсутствия отдаленных лонгитюдных оценок.

Ограничения исследования

Ряд факторов требует осторожности в интерпретации результатов. Во-первых, в работе использовались только самоотчетные методики, что повышает риск субъективных искажений; включение клинических интервью или поведенческих индикаторов могло бы усилить валидность выводов. Во-вторых, отсутствуют отдаленные последующие замеры, поэтому нельзя судить о длительности и

устойчивости выявленных эффектов. В-третьих, хотя наличие контрольной группы позволяет частично отделить влияние программы от фоновых изменений, полностью исключить влияние внешних условий (динамика боевых действий, социально-экономические сдвиги) не представляется возможным.

Перспективы исследования

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется лонгитюдное отслеживание динамики ценностно-смысловой сферы и базовых убеждений после завершения программы, а также сравнение различных форматов вмешательства (индивидуального, группового, онлайн-форматов). Дополнительный интерес представляет более детальный анализ механизмов изменений – например, роли психологической гибкости, надежды и специфических копинг-стратегий, на которые указывают (Marciano et al., 2024). Наконец, расширение выборки за счет других регионов и категорий гражданского населения могло бы позволить оценить степень универсальности и культурной чувствительности предложенной технологии реабилитации.

Литература

- Абакумова, И. В., Рядинская, Е. Н., Богрова, К. Б., Щетинин, А. А., & Сотников, С. В. (2024). Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ. *Российский психологический журнал*, 21(2), 169–183. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.10>
- Абрамов, В. А., Денисов, Е. М., & Голodenко, О. Н. (2015). Особенности психического здоровья и личностные ресурсы у лиц, пострадавших в результате хронического стресса, связанного с боевыми действиями в Донбассе. *Университетская клиника*, 11(2), 76–79.
- Александровский, Ю. А. (2022). *Непсихотическая психиатрия*. ГЭОТАР-Медиа.
- Бабюк, И. А., Фирсова, Г. М., Побережная, Н. В., & Ракитянская, Е. А. (2016). Коррекция психосоматических расстройств при взрывной травме и ожоговых поражениях. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 2, 43–46.
- Бонкало, Т. И. (2023). *Посттравматическое стрессовое расстройство*. ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ».
- Волобуев, В. В., Титиевский, С. В., Черепков, В. Н., Воеводина, В. С., Кравчук, А. В., & Пушкарук, А. М. (2015). Психоневрологические последствия военного времени и экстремальных условий жизнедеятельности у пациентов с непсихотическими психическими расстройствами. *Университетская клиника*, 11(2), 82–84.
- Денисов, Е. М., Абрамов, В. А., & Плотников, Д. В. (2015). Оценка выраженности психопатологических симптомов у студентов, находящихся в зоне военного конфликта. *Университетская клиника*, 11(2), 84–86.
- Дерягина, Л. Е., & Булатецкий, С. В. (2021). Особенности социально-психологической и физиологической адаптации курсантов вуза МВД к условиям служебной деятельности. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(3), 193–207. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-3-193-207>
- Киворкова, А. Ю., & Соловьев, А. Г. (2017). Социально-психологическая дезадаптация и направления реабилитации членов семей представителей экстремального профиля

- служебной деятельности. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии*, 2, 3–9.
- Коваленко, С. Р. (2016). Самоэффективность личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 2, 50–55.
- Лаврова, Е. Е. (2015). Личностные деформации участников боевых конфликтов. *Молодой ученый*, 18(98), 332–336.
- Магомед-Эминов, М. Ш. (2014). Анализ современных моделей психологической травмы с точки зрения культурно-деятельностной парадигмы. *Теория и практика общественного развития*, 17, 202–207.
- Новикова, Н. В. (2024). Структура индивидуально-психологических особенностей переживания ситуации военного конфликта. *Ярославский педагогический вестник*, 1(136), 130–137. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_130
- Носкова, О.В., Чурилов, А.В., Свиридова, В.В., & Литвинова, Е.В. (2015). Особенности течения тревожных состояний у беременных в контексте военных действий. *Университетская клиника*, 11(2), 32–35.
- Проценко, С. А. (2024). Проблемы адаптации ветеранов СВО к гражданской жизни. *Личность: ресурсы и потенциал*, 4, 9–16.
- Рядинская, Е. Н. (2018). Анализ концептуальных подходов к структуре смысложизненных стратегий в контексте изучения трансформаций личности. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 7, 52–67.
- Рядинская, Е. Н., Ковальчишина, Н. И., & Волобуев, В. В. (2023). Отношение к смерти гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте экзистенциональной исполненности. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(2), 6–14.
- Соболева, Н. П. (2017). Психотерапевтическая направленность реабилитационных программ в комплексной терапии психических расстройств в условиях травматического стресса военного времени. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 3, 66–67.
- Соловьева, М. А. (2016). Исследование субъективного благополучия у лиц, пребывающих в зоне военного конфликта. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 1, 48–54.
- Чепур, С. В. (2024). Боевой стресс: механизмы формирования и мишени направленного фармакологического воздействия. *Физиология человека*, 50(6), 107–116. <https://doi.org/10.31857/S0131164624060116>
- Ширина, Т. В., & Ершова, И. Б. (2018). Влияние комплексных реабилитационных мероприятий на развитие детей раннего возраста, оказавшихся в условиях активных боевых действий. *Медико-социальные проблемы семьи*, 23(1), 49–55.
- Acarturk, C., et al. (2022). Effectiveness of a WHO self-help psychological intervention for preventing mental disorders among Syrian refugees in Turkey: A randomized controlled trial. *World Psychiatry*, 21(1), 88–95. <https://doi.org/10.1002/wps.20939>
- Amsalem, D., Haim-Nachum, S., Lazarov, A., Levi-Belz, Y., Markowitz, J. C., Bergman, M., ... & Neria, Y. (2025). The effects of war-related experiences on mental health symptoms of individuals living in conflict zones: a longitudinal study. *Scientific reports*, 15(1), 889.
- Bosgraaf, L., Spreen, M., Pattiselanno, K., & Hooren, S. V. (2020). Art therapy for psychosocial problems in children and adolescents: A systematic narrative review on art therapeutic means and forms of expression, therapist behavior, and supposed mechanisms of change. *Frontiers in psychology*, 11, 584685.
- Camia, C., & Zafar, R. (2021). Autobiographical meaning making protects the sense of self-continuity past forced migration. *Frontiers in Psychology*, 12, 618343. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.618343>
- Costanza, A., Amerio, A., Aguglia, A., et al. (2022). Meaning-centered therapy in Ukraine's war

- refugees: An attempt to cope with the absurd? *Frontiers in Psychology*, 13, 1067191. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1067191>
- Farhood, L. F., Richa, H., & Massalkhi, H. (2014). Group mental health interventions in civilian populations in war-conflict areas: A Lebanese pilot study. *Journal of transcultural nursing*, 25(2), 176–182.
- Marciano, H., Kimhi, S., Eshel, Y., & Adini, B. (2024). Resilience and coping during protracted conflict: A comparative analysis of general and evacuees populations. *Israel Journal of Health Policy Research*, 13, 56. <https://doi.org/10.1186/s13584-024-00642-8>
- Miller, K. E., & Rasmussen, A. (2017). The mental health of civilians displaced by armed conflict: An ecological model of refugee distress. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 26(2), 129–138. <https://doi.org/10.1017/S204579601600010X>
- Peltonen, K., & Kangaslampi, S. (2019). Treating children and adolescents with multiple traumas: A randomized clinical trial of narrative exposure therapy. *European journal of psychotraumatology*, 10(1), 1558708.
- Russo-Netzer, P., Tarrasch, R., Saar-Ashkenazy, R., & Guez, J. (2025). Meaning and resilience in war-affected populations during crisis. *Frontiers in Psychiatry*, 16, 1678205. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1678205>
- Tedeschi, R. G. (2023). The post-traumatic growth approach to psychological trauma. *World Psychiatry*, 22(2), 328–329. <https://doi.org/10.1002/wps.21096>

Поступила в редакцию: 30.06.2025

Поступила после рецензирования: 13.08.2025

Принята к публикации: 01.09.2025

Заявленный вклад авторов

Ирина Владимировна Абакумова – общее руководство исследованием, рецензирование и редактирование статьи, окончательное утверждение версии для публикации.

Евгения Николаевна Рядинская – разработка методологии исследования, подготовка программы эксперимента, анализ данных, подготовка текста статьи.

Наталья Ивановна Ковальчишина – анализ литературы, работа с научными источниками, сбор данных, визуализация результатов, подготовка текста статьи.

Кристина Борисовна Богрова – подготовка первичной версии статьи, редактирование статьи, критический пересмотр и доработка содержания.

Информация об авторах

Ирина Владимировна Абакумова – доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет; Researcher ID: A-9720-2016, Scopus ID: 57189598855, Author ID: 252406, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2202-2588>; e-mail: abakira@mail.ru

Ирина В. Абакумова, Евгения Н. Рядинская, Наталья И. Ковальчишина, Кристина Б. Богрова
ДИНАМИКА КОМПОНЕНТОВ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕАБИЛИТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА
Российский психологический журнал, 22(4), 2025
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Евгения Николаевна Рядинская – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник ЮРНЦ РАО, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; Scopus ID: 59314410800, Researcher ID: <https://ResearchID.co/muchalola>; Author ID: 1094597; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9924-881X>; e-mail: muchalola@mail.ru

Наталья Ивановна Ковальчишина – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и конфликтологии, Филиал Российского Государственного Социального Университета в г. Минске, Республика Беларусь; Researcher ID: <https://ResearchID.co/nkovalchishina>, AuthorID: 900902, ORCIDID: <https://orcid.org/0009-0002-5806-0380>; e-mail: nkovalchishina@mail.ru

Кристина Борисовна Богрова – кандидат психологических наук, младший научный сотрудник ЮРНЦ РАО, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; Researcher ID: <https://ResearchID.co/bogrovakb>, Author ID: 1208872, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3748-5844>; e-mail: K.Bogrova@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.